

стан, Калмыкии — Хальмг Тангч, требование белорусов вместо соединительной гласной «о» писать «а» — Беларусь, требование украинцев говорить и писать по-русски «в Украину», а не «на Украину», как этого требуют правила русского языка. В данном случае этнический стереотип как регулятивный элемент этнического самосознания среди прочих отдал лидерство функции защиты этнической идентичности. Автостереотипы, этноинтегрирующие представления о специфических чертах собственной этнической группы, давят над гетеростереотипами, совокупностью этнодифференцирующих представлений о других этнических группах.

В современном мире, особенно постиндустриальном обществе, усиливается стремление народов сохранить, а в некоторых случаях и возродить язык своей нации как зеркало культуры, как свидетельство культурно-духовной самобытности, которая создается соединением всех факторов этнообразования, а главное — неповторимостью исторического пути каждого народа, включая историю его религиозного развития. Национально-специфическое сознание закрепляется в языке и становится социально наследуемым.

Однако следует помнить, что утверждая функциональность этнического своеобразия и культурную дифференциацию, понять структурные трансформации современного общества невозможно. Гипертрофикация стремления ориентироваться только на национально-особенное, утверждение принципов этнодоминирующей идентичности или этнического фанатизма порождают серьезные издержки в развитии национальной культуры. Важно стремиться к соблюдению адекватных пропорций в удовлетворении культурных, языковых и других требований как коренных, так и некоренных народов. Тесное взаимодействие национальных культур влечет за собой образование мировой духовной культуры. В результате обнаруживается важная потребность в интегрирующей социальной функции языка, системы выражения культуры, и в утверждении принципа гуманизации диалога. Диалог языковых картин мира, составляющих ценностно-нравственный компонент национального сознания способен формировать моральные установки и определять ценностные приоритеты общества.

А.М. КУРЫШОВ

ХАРАКТЕР МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Теория модернизации в современной исторической науке стала обычным методологическим принципом. Как модернизация понимается и развитие России во второй половине XIX–начале XX вв., причем оно предстает как совокупность процессов, утверждающих в России рыноч-

ные отношения и политический либерализм. Обращение историков к теории модернизации понятно, — она позволяет придать историческому процессу линейность, необратимый прогрессивный характер, сформулировать универсальные законы общественного развития, на основании которых можно отстаивать научность исторических исследований. Но при объективном взгляде на процессы модернизации мы наблюдаем в разных странах и на различных ее этапах некое своеобразие темпов и форм изменений общественных отношений. Это должно предполагать различные варианты модернизации. Далеко не все ясно на сегодняшний день и с самим понятием модернизации, — классическое ее понимание как трансформации рыночно-либеральной подвергается справедливой критике (*подробно об эволюции модернизационной теории см.: Побережников В.И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006*).

В связи с этим остаются актуальными вопросы изучения трансформации традиционного хозяйства сибирских аборигенов на рубеже XIX–XX столетий, поскольку они являются неотъемлемой частью проблемы модернизации России в этот период, специфика которой во многом определялась включением Сибири в общероссийскую экономическую систему.

Говоря о понятии «традиционное хозяйство» представляется возможным определить его существенные признаки, то есть такие признаки, без наличия которых традиционное хозяйство перестает быть таковым: прямая зависимость преобладающих способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий; натуральный характер хозяйственной деятельности; наличие комплекса экологических традиций; обеспечение минимума благ, необходимых для воспроизводства населения, как цель хозяйственной деятельности; контроль общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными. Эти признаки и представляют собой связи между отдельными компонентами системы традиционного хозяйства. Компонентами же выступают хозяйственные традиции — способы, приемы, правила получения материальных благ. Все признаки, в свою очередь, связаны между собой и в совокупности с хозяйственными традициями составляют систему традиционного хозяйства. Интегративным качеством системы традиционного хозяйства, т.е. таким качеством, которым характеризуется только система в целом, а не ее компоненты, взятые по отдельности, является автаркия. Эта самоудовлетворенность, опять-таки, обуславливается гармонией между обществом и занимаемым им природным ландшафтом, объективным характером структурных связей. Ни одна из составляющих систему хозяйственных традиций, — промысловая, сельскохозяйственная, строительная и т.д., — не обладает такой самодостаточностью и устойчивостью по отношению к внешним влияниям, как традиционное хозяйство в целом. В этом смысле традиционное

хозяйство является результатом оптимальной адаптации человека к конкретным природным условиям.

Понятие «трансформация» может интерпретироваться очень широко. Важнейшие вопросы, связанные с этой дефиницией — определение смысла понятия «трансформация традиционного хозяйства» и определение характера трансформации, под которым имеется в виду совокупность черт, позволяющая говорить о эволюционности или революционности данного процесса. Понимая под трансформацией традиционного хозяйства процесс, в ходе которого оно вливается в более обширную экономическую систему, в которой способ природопользования теряет свое системообразующее значение (см.: *Историко-экономические исследования. 2005. Т. 6. № 1. С. 7–18; Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 132–138*), подробнее остановимся на характере такой трансформации, от которого во многом зависят ее результаты.

Известный этнограф и историк Сибири С.П. Швецов в работе «Этнография и народное хозяйство» писал: «Он [быт — А.К.] является, как неотвратимый результат длительных взаимоотношений живущего и хозяйствующего человека и окружающей природы, создающих как хозяйственные формы, так и формы общения людей между собой, которые находятся в полной гармонии с окружающей природой и живущим и действующим в ее обстановке человеком» (*Швецов С.П. Этнография и народное хозяйство // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-565. Оп. 1. Д. 140. Л. 5–6*). Нарушение этой гармонии форсированным путем, как правило, чревато серьезными последствиями. Трансформация, инициированная внутренним развитием общества, подразумевает постепенность, медленное развитие процесса, эволюционность. В противоположность ей, быстрый, революционный характер изменений, как правило, являющийся следствием внешнего влияния, почти с неизбежностью должен привести к краху традиционного хозяйства, влекущему за собой тяжелые последствия социально-экономического, зачастую — и демографического плана. Чаще всего инициатором такой трансформации называют государство. Новейшая отечественная история знает немало примеров, когда государство своей властью форсировало процесс интеграции традиционного хозяйства в общенациональную экономику. С.П. Швецов, писавший свою работу в 1928 г., в преддверии «большого скачка», предостерегал: «Изменение хозяйственных форм — охотничьих промыслов, скотоводства, земледелия, — переход от одной ступени к другой, высшей — процесс, совершающийся в отдельных частях хозяйственной деятельности, при том мелких, молекулярный, незаметный для глаза, как незаметно для нас движение часовой стрелки; мы можем судить о нем лишь во времени, путем сопоставления хозяйства в различные моменты, разделенные между собой достаточным количеством времени. Всякий иной характер изменений в хозяйстве будет для него катастрофическим, потрясающим, чаще всего»

(Там же. Л. 11). С.П. Швецов напрямую связывает высокую скорость протекания трансформационных процессов и их тяжелые последствия, которые, по-видимому, свидетельствуют о низкой эффективности трансформации.

Однако отождествление эволюции с постепенностью, революции с форсированной ломкой устоявшихся традиций односторонне и дает представления отнюдь не обо всех оттенках данных понятий, а лишь о темпах трансформации. Применительно к традиционному хозяйству, по-видимому, правильнее говорить не только о темпах, но и об органичности трансформационных процессов, их соответствии внутренним связям системы. Действительно, допустим, переход тофов к оседлому образу жизни в 1920-х гг., осуществленный всего за несколько лет, вряд ли имел для традиционного хозяйства (не для народа в целом) большие последствия, чем до этого растянувшийся на десятилетия процесс вовлечения жителей Тофаларии русскими купцами в товарный промысел пушнины. В результате первого процесса, несмотря на все его негативные стороны, тофы сохранили традиционный способ природопользования и получили возможность интенсифицировать его, в ходе второго был основательно поколеблен натуральный характер хозяйства, что в итоге приводило к девальвации роли общины и отступлению от основополагающего принципа природной целесообразности. Государственное «давление» Российской империи и СССР, стремящееся к установлению контроля государства над природными ресурсами и экономической деятельностью населения Сибири, осуществляемое директивными методами, позволило сохранить традиционные хозяйственные системы большинству коренных сибирских народов. Постепенная свободная колонизация европейцами североамериканского континента, подразумевавшая распространение «саморегулирующегося» рынка, привела не только к ликвидации традиционных хозяйственных форм индейцев, но и к их почти полному физическому уничтожению. В данном случае именно трансформация по направлению к рынку имеет черты революционного характера, в то время как форсированная трансформация, инициированная государством, но имеющая целью «огосударствление» экономики, выступает как эволюция традиционного хозяйства, приспособление его к новым социально-экономическим условиям. В этой связи, применительно к России, интересно высказывание А.Н. Боханова, специалиста по социально-экономической и политической истории дореволюционной России: «...Весь опыт моей профессиональной работы с историческим материалом наводит на мысль о том, что власть, именно власть традиционная, воплощенная в реальности самодержавия, больше и лучше понимала и чувствовала почву, чем любые «генераторы идей» и либеральные реформаторы, вне зависимости от того, стояли они «у руля» или были в оппозиции» (*По плечу ли России европейский камзол // Родина. 1995. № 8. С. 20–24*).

Итак, вопрос об определении характера трансформации традиционного хозяйства лежит в плоскости степени затрагивания внутрисистем-

ных связей между отдельными элементами системы. Революционный характер трансформация имеет в том случае, если происходящие изменения приводят к поглощению хозяйственных традиций внешней (новой) экономической системой, их нивелированию на фоне более развитых и самостоятельных экономических институтов. Это — коренная ломка, перестройка содержательной компоненты хозяйственной деятельности. Эволюция традиционного хозяйства подразумевает постепенное приспособление его к новым условиям, при этом хозяйственные традиции не поглощаются, а, частично сохраняясь, частично видоизменяясь, сливаются с внешней экономической системой. При этом на протяжении длительного времени традиционная специфика, в частности, этническая, может сохраняться в самом характере труда. Так, например, интегрированное в общероссийскую экономику хозяйство бурят Прибайкалья сохранило такие черты, как значительные масштабы животноводства, некоторые технологические приемы (орошение и унавоживание сенокосных мест). В хозяйстве иркутских эвенков, несмотря на развитие у них товарной охоты, в значительной степени остались неизменными природоохранные традиции (Будаева Ц.Б. *Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия)*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 53–54). Различие двух типов характера экономической трансформации и ее последствия применительно к сибирским «инородцам», на наш взгляд, очень хорошо видны из следующего высказывания С.П. Швецова, рассматривавшего, в частности, проблемы перевода кочевников-скотоводов на оседлую земледельческую жизнь: «...Соддействие развитию хозяйственных форм для населения, вынужденного условиями внешней среды к занятию скотоводством, соединенным с перемещением пастбищ, должно быть направлено не в сторону перехода от скотоводства к земледелию, так как это, кроме потрясения хозяйства и обнищания самих скотоводов решительно ничего дать не может, а в сторону развития новых форм внутри самого скотоводческого хозяйства, его наибольшего приспособления к всесторонним интересам самого скотовода» (Шевцов С.П. *Указ. соч.* С. 13–14). Думается, что эти слова можно с уверенностью отнести не только на счет скотоводов, но и народов, занимающихся другими традиционными видами хозяйствования.

По сути, трансформация есть приспособление традиционного хозяйства к новым социально-экономическим условиям. Известный советский этнограф В.В. Карлов, выделяя стадии традиционного и индустриального общества, указывал на то, что переход общества к индустриальной стадии сопровождается дифференциацией видов деятельности и появлением обмена (Карлов В.В. *Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.)*: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 51). Таким образом, новые условия заключаются в формировании факторов, способствующих появлению производственной специализации этноса. Как

правило, если мы говорим, например, о коренных народах Сибири в рассматриваемый период, эти условия связаны с внешней по отношению к традиционному хозяйству средой. Однако ряд изменений может порождаться и внутренними предпосылками, например, переход к товарному хозяйству по причине появления излишков продукции. В этом контексте трансформация может отождествляться с модернизацией. Но трансформация означает и преодоление прямой зависимости хозяйственной жизни от природных условий. Это выражается в интенсификации хозяйства, изменении хозяйственных форм, способов природопользования, развитии технологий. Изменения, происходящие в самой основе традиционного хозяйства, в свою очередь порождают трансформацию социальных отношений. Наконец, трансформация связана со стремлением экономических отношений выйти из-под контроля со стороны социальных институтов, в первую очередь общины. Однако освобождение индивидуальной экономической инициативы от опеки общины не исключает контроля над ней государства.

Изменение традиционного хозяйства (понимаемая, повторимся, как процесс, в ходе которого способ природопользования теряет свое системообразующее значение) инициируется дифференциацией хозяйственной деятельности, базирующейся на известном технологическом уровне, позволяющем, в определенной степени, преодолеть зависимость от природной среды. Результаты трансформации в этом случае следует рассматривать в контексте либо полной ликвидации традиционного хозяйства, либо во вхождении его в современную экономическую систему в качестве составной части (подсистемы). Трансформация традиционного хозяйства имеет целью приспособление хозяйственной жизни к новым социально-экономическим условиям, подразумевающим интеграцию традиционных хозяйств в более широкую экономическую систему (региональную, общенациональную, мировую). Трансформация в данном контексте не должна рассматриваться в обязательной связи с распространением рыночных отношений. Революционный или эволюционный характер трансформации традиционного хозяйства определяется не столько ее темпами, сколько степенью сохранения в интегрированной экономической системе специфических черт.

Л.И. ТРАХТЕНБЕРГ

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТРУДА

Процессы возникновения сложнейших феноменов объективной реальности и социальной жизни, периодизация и перспективы их развития занимали важное место в духовной жизни людей с глубокой древности.

Письменные источники периода классового общества осуждают падение нравов, несправедливость и насилие, сопровождающие смену